

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

МИСС МАЙ

Зинаида Николаевна Гиппиус
Мисс Май
Серия «Мисс Май», книга 1

Аннотация

«Как-то, незадолго до Пасхи, лакей Тихон встретил молодого барина, вернувшегося из города, с особенно мрачным видом. Тихон был привезен Андреем из Москвы и до сих пор не мог освоиться ни с малороссами, ни с их волами, ни с их говором, ни с белым снежным затишьем хутора Вишняков зимой. Из Вишняков, впрочем, и сам барин, как ни любил мамашу, Домну Ниловну Шарвенко, все чаще стал уезжать в ближний город. Тихон опасался было, что молодой барин возьмет в свои руки хозяйство и поселится в Вишняках, о чем поговаривали, но барин вышел не из таких...»

Содержание

I	4
II	10
III	14
IV	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зинаида Гиппиус

Мисс Май

I

Как-то, незадолго до Пасхи, лакей Тихон встретил молодого барина, вернувшегося из города, с особенно мрачным видом. Тихон был привезен Андреем из Москвы и до сих пор не мог освоиться ни с малороссами, ни с их волами, ни с их говором, ни с белым снежным затишьем хутора Вишняков зимой. Из Вишняков, впрочем, и сам барин, как ни любил мамашу, Домну Ниловну Шарвенко, все чаще стал уезжать в ближний город. Тихон опасался было, что молодой барин возьмет в свои руки хозяйство и поселится в Вишняках, о чем поговаривали, но барин вышел не из таких.

Андрей давно привык к черствой и унылой физиономии своего слуги, но на этот раз необычайно похоронный вид, мрачный и торжественный, поразил его. Тихон был рыжеват, худощав, без усов и бороды, с длинным и тонким носом, не лишён приятности, хотя казался слишком сосредоточенным, будто решающим всегда арифметическую задачу.

Позднее вечером, ложась спать, Андрей спросил Тихона, который хотя и молчал, как убитый, однако не уходил из спальни:

– Что с тобой случилось? Ты какой-то мертвый.

– Я мертвый?

– Ну да, ты. Что с тобой опять?

– Я, Андрей Николаевич, давно просил меня отпустить, как эти места мне недостаточно нравятся...

– Что же, ты в Москву поедешь?

– Я не к тому сказал, что в Москву еду, я так сказал, что у меня давно было предчувствие эти места покинуть. А к этому предчувствию я отнесся без внимания – и за то теперь принужден и помышление о Москве бросить.

– Да говори толком! Что с тобой?

– Я женюсь, Андрей Николаевич, вот что со мной... Я тоже жениться надумал.

Андрей расхохотался.

– Ну уж это ты, Тихон, из подражания. Я женюсь – так и ты тоже. На ком ты?

– На Василисе, на прачке...

Тихон произнес это гробовым голосом, точно объявлял, что Василиса умерла в страшных мучениях.

– Это певунья, кажется? Белокурая такая, круглолицая, еще рябая немножко? И волосы гладкие?

– Да, она. Поет-то она звонко.

И, вдруг оживясь, Тихон произнес с внезапной злобой:

– И какой это обычай у них пакостный! Только что я ей открылся, порешили там, когда обручение, когда что – сейчас она напялила себе на голову огромнейшие розаны бу-

мажные, вокруг головы на аршин, ей-богу. Так и ходит рогатая. Говорил – эй, Василиса,ними! Слышать не хочет. У них невесты и по году так ходят.

– Она тебе нравится, что ли? Как ты вздумал? – спросил Андрей.

– Она? Она мне нравится. Мы уж давно валандаемся. Почему ж не жениться? Славная жена будет.

Андрею вспомнилось, что он этими же словами подумал о Кате, когда в первый раз ему пришла ясная мысль, что они могут обвенчаться. Теперь уже все было решено. Осенью Андрею обещали – хорошее для начала – место в городе. Жить в Вишняках и заниматься сельским хозяйством Андрей чувствовал себя пока неспособным. Он только что кончил университет в Москве, где все четыре зимы прожил тихо и скромно. Товарищи считали его не то романтиком, идеалистом, не то просто рохлей, и во всяком случае человеком необщительным. Он никого не чуждался, но ни с кем особенно и не сблизился. Он рад был окончить курс и уехать в провинцию, на хутор, где родился и вырос, заниматься хозяйством или служить, если хозяйство не пойдет. Да и лучше служить: Вишняками занята мать, здоровая, деятельная, еще молодая. Домна Ниловна одна вырастила сына, рано овдовев. На все у нее были определенные взгляды, обо всем свои здравые и точные понятия. В Вишняках она даже управляющего не держала, входя сама и в мелочи хозяйства. Андрей был у нее один, и потому она, в любви к нему, еще прояв-

ляла иногда слабость, – но и относительно сына у нее имелись свои планы. И все шло прекрасно. Андрею едва минуло двенадцать лет, когда Домна Ниловна стала засматриваться на пухленькую Катюшу, дочку своей троюродной сестры, думая, какая славная жена выйдет с годами из этой аккуратной девочки для Андрюши. Каждое лето Катенька гостила в Вишняхках. Незаметно для себя Андрей привык смотреть на нее как на будущую жену. Когда он кончил университет – все решилось само собою, к общему удовольствию. Прошлом лето они были уже обручены и провели вместе женихом и невестой. Катя, крепкая, черноглазая, свежая и добрая, понимала толк в хозяйстве, как тридцатилетняя, хотя ей минуло восемнадцать, – и вся вообще нравилась Андрею. На правах жениха он часто целовал ее и находил, что у нее удивительно мягкие и приятные для поцелуя губы. Но свадьбу неожиданно отложили по случаю болезни Катиной матери. Катя должна была уехать в Крым, откуда писала Андрею милые, детски серьезные, даже наставительные письма, как пишет очень молоденькая и благоразумная девушка своему жениху. Потом мать Кати умерла. Из имения дяди, ее попечителя, Катя должна была окончательно приехать в Вишняка только весной, а в конце лета назначили свадьбу.

Жизнь Андрея входила в колею мирной, сладостной и удобной тишины. И он отдавался течению и говорил себе, что радуется этим годам спокойствия, которые ему предстоят, и что он всегда этого, в сущности, и желал.

Лакей Тихон со своим мрачным и молчаливым протестом, враг деревенского спокойствия, как-то смутил Андрея. И потому теперь, когда выяснилось, что Тихон женится, приобретает оседлость, поступает так же, как его барин, – Андрей почувствовал немалое удовольствие.

И на другой день утром, придя пить чай в низенькую теплую столовую, он поцеловал мать в щеку и весело сказал: – Знаете, мамаша, а мой Тихон женится!

Домна Ниловна удивленно приподняла брови и не улыбнулась. Ее загорелое, еще не старое лицо было всегда озабочено. Одевалась она в просторные кофты из темного ситца и говорила твердо, как хохлушка.

– Ой, да что ты! – произнесла она. – Тихон? Да кто за него, за такого, пойдет?

– Напрасно вы, мама. Он вовсе не дурен. Чем он дурен? А идет за него Василиса-прачка.

– Василиса? Это щербатенькая-то? Вот то дура! Я смотрю вчера – она в цветах. Хотела спросить, за кого идет, да позабыла как-то. За Тихона! Нечего сказать! Этакая дивчина славная! Певунья! Подумаешь – голос какой!

– Мамаша, вы Тихона понапрасну обижаете. Он прекрасный, честный, только серьезный немного, так ведь это же неплохо.

– Неплохо? Какой тебе там, к бесу, серьезный! Не серьезный он, а точно все у него что-то на уме: думает, думает – и уж всегда такое выдумает, что и не приснится никому. Я

Тихона твоего, Андрюша, а особенно фантазий этих его – боюсь. Вот, ей-богу же, боюсь. И зло у меня на него, и страх. А, кажется, никогда трусихой не была.

Андрюша улыбнулся.

Привезли почту. Пришло письмо от Кати к Домне Ниловне: Катя извещала, что может приехать не раньше апреля; что с ней приедут тетя Варвара Дмитриевна, и Степанида Дмитриевна, и кузины; что Ваничка с Егором Кузьмичом, может быть, приедут раньше; кланялась Андрюше и просила извинения, что не пишет ему сегодня, – ей некогда.

Андрей несколько не обиделся, он знал, что Катя человек занятой и не любит тратить времени на пустяки, на письма. Напишет в другой раз. К тому же они так скоро увидятся – до апреля всего несколько недель, они пролетят незаметно...

И они, точно, пролетели незаметно.

II

Фруктовый сад в Вишняках одной стороной выходил на широкий двор усадьбы, а другой примыкал к лесу и проезжей дороге. Теперь, в конце апреля, сад стоял незапертый – там только что облетали цветы груш, яблонь и черешен, сгибаемые с веток жирными, быстро растущими, точно лакированными листьями. Андрей целый день проходил в лесу. Вернувшись ближней дорогой, через фруктовый сад, он медленно растворил калитку во двор – и остановился. Ему не хотелось домой и теперь. Сумерки были особенно нежные, ласковые и свежие. Просторный двор, поросший травой, первой, короткой и яркой, казался пустынным. Направо и налево серели службы – амбары, ледник...

Дом раскинулся во всю ширину двора прямо против фруктового сада. Длинный и низкий, с пристрочками, крыльчками и балкончиками, он походил теперь, в потемневшем воздухе, на черную фигуру громадного животного, прилегшего отдохнуть. Ночь надвигалась быстро и близко. Только вверху небо еще голубело, бледнея, светлое, вольное, и, казалось, именно оттуда спускалась прохлада на землю. Андрей вспомнил, что в детстве няня на его вопросы, почему к вечеру делается холоднее, отвечала, что это от крыльев серафимов веет прохлада, у них крылья большие, длинные и свежие, а после заката серафимы всегда пролетают с одного

края неба на другой.

Андрей невольно посмотрел в небо, и ему почудилось, что вот именно теперь должны пролетать длиннокрылые серафимы.

Как раз у забора, во дворе, стояла узенькая деревянная скамеечка для сторожа. Андрей опустился на нее, снял шляпу и задумался. Он сам не знал, что с ним сегодня. Весна дурно действует на него. Ему не нравилась эта беспричинная грусть и тоска – теперь, когда все так хорошо: Катя приехала, они встретились, будто вчера расстались, она по-прежнему любит его, он тоже, он опять при всяком удобном случае целовал ее – у нее такие полные, мягкие губки... И какая она милая! Место в губернском городе обещано наверно. Славно они заживут – ведь они всегда были точно родные, и лучше Кати ему и не выдумать жены...

И Андрей сердился на себя и не постигал, почему ему иногда грустно, больно до слез, почему он с утра сегодня ушел из дому и все бродил по лесу почти без мыслей, только смотрел, как теплый воздух дрожит и струится на солнце между полуголыми ветвями деревьев да из-под прошлогодних листьев поднимаются белые робкие цветы...

Совсем стемнело. Кое-где в окнах, в пристройках, зажгли огни. В левом флигеле особенно ярко осветили; там двигались какие-то фигуры, Андрей не мог разглядеть через двор – чьи, и слышался говор. Потом говор замолк, только редкий и правильный звук тяжелого катка нарушал тишину.

Андрей вспомнил, что в левом флигеле была прачечная, и потому нисколько не удивился, когда под мерный стук два женских голоса начали песню. Василиса, невеста Тихона, так же, как и другая прачка, Поля, считались первыми певуньями на хуторе. У Василисы, миловидной и низкорослой, с голубоватыми выпуклыми глазами, голос был высокий, звонкий и легкий, с красивыми переливами. Пелагея, девушка рослая, даже слишком рослая, смуглая, с лицом почти некрасивым, грубым, но особенно гордым и выразительным, пела низким контральто. Ничего не могло быть приятнее этого густого и мягкого голоса, полного, слишком широкого, точно весенняя река. Обе, Василиса и Поля, часто пели вместе, как теперь.

Темная фигура мелькнула на дворе и где-то исчезла в тени за выступающим углом прачечной.

«Верно, опять Тихон слушает, как невеста поет, – подумалось Андрею. – А, пожалуй, у Поли голос приятнее».

Он невольно вслушался в слова песни. Каждая нота и каждое слово были слышны.

Ни Поля, ни Василиса не любили своих деревенских, чисто малорусских песен, где сама певица не разбирает слов и где непременно мотив оканчивается однообразной высокой нотой. Их песни были не то городские, не то неизвестно откуда занесенные, особенно выразительные и с понятными словами, хотя порою неумело сложенные.

Теперь они пели:

Никто меня не пожалеет,
И никому меня не жаль.
Никто унынья моего не знает,
И не с кем разделить печаль.

Напев был почти надгробный, острый и медленный, проникающий насквозь, какой-то беспощадный.

Никто унынья моего не знает...

Андрей почувствовал, что глаза его наполнились нежеланными слезами. Он не знал, о чем плачет, – и оттого ему было еще тяжелее.

Прошло несколько мгновений. Он встал, провел рукой по лицу и гладко остриженным волосам – и пошел через двор.

III

Дойдя до крыльца, Андрей вдруг остановился, задумался – и свернул в сторону, чтобы, обогнув усадьбу, попасть в парк, который тянулся по ту сторону дома и спускался к самому пруду.

Справа полукругом шел ряд остроконечных тополей. Большая белая луна поднялась над ними и осветила их мертвыми лучами.

Безмолвные тополи, черные при луне, всегда напоминали Андрею какую-то страшную картинку, виденную им в детстве: так же белела большая луна и таинственно и остро поднимались тополи.

Андрей шел без цели, почти без мысли. В одном месте его охватил на минуту теплый аромат только что распускающейся черемухи. Потом струя сырого воздуха, пахнущего глубокой водой и травами, донеслась от пруда. Андрей шел дальше. В траве кузнечики стонали пронзительно, хотя шепотом. Какая-то птица закричала, перелетая через пруд. Соловей начал неумелые трели, но сам удивился и замолк.

Вдруг раздались веселые и молодые голоса. Целая компания приближалась. Андрей, безотчетно желая избежать встречи, шагнул в мокрую траву и спрятался за ствол.

«Это наши, Оля, Катя... Да, да. И Ваня с ними... И Лидочка.»

Барышни громко смеялись. Это была все своя семья, родственники и родственницы. Все носили траур по случаю недавней смерти Катинной матери. В черных платьях они были так похожи одна на другую, что Андрей не сразу отличил свою невесту среди веселой толпы. Но зато он заметил с удивлением не знакомую ему женскую фигуру, очень высокую, одетую в белое.

Она прошла близко от Андрея, он даже видел, как нежной свет месяца скользнул по волнующейся ткани ее платья, когда тень от тополей перестала мешать, – но лица разглядеть было нельзя.

Андрей проводил глазами черную толпу, невольно следя за белым пятном, которое одно, казалось, приняло в себя все месячное сиянье. Потом он вышел на дорожку, подумал и, медленно переступая, направился к дому.

IV

Яркий свет лампы в столовой ослепил Андрея. Вся семья была в сборе, пили вечерний чай. Катя вскочила с места и вскрикнула:

– Андрюша! Наконец-то! Куда это ты пропал? Мы так беспокоились!

– Стыдись, батюшка, – прибавила Домна Ниловна, – целый день тебя нет, хоть бы сказал, куда идешь, до города, или до попа, или куда. Мы что и думать не знали.

Андрей немного смутился.

– Нет, я так... У меня голова болела... Я хотел на воздух.

– Да ведь ты не обедал! Катюша, вели ему подать телятины. А тут тетенька Анна Ильинична приехала!

Андрей рассеянно слушал заботливые слова матери и невесты и возгласы многочисленных кузин. Он с первой минуты искал и соображал, кто могла быть та, в белом, которую он видел в парке. Но кругом стола все кузины, наперечет, сидели в своем трауре. Где же та, которая сейчас вошла в дом?

Услыхав о приезде тетушки Анны Ильиничны, он слегка оживился.

– Когда приехала? Сегодня? А где ж она?

– Ты бы еще позднее пришел. У себя. Она человек нездоровый, рано ложится. Завтра увидишь.

Неужели это была тетушка Анна Ильинична в белом? Не

может быть. Тетушка низенькая и очень полная, к тому же и не пойдет вечером гулять по сырости.

Андрею хотелось спросить Катю, кто был с ними в саду, но потом показалось, что никак невозможно спросить, по крайней мере, он не спросит. Пусть лучше это так остается. Пусть само выяснится. Не надо этого трогать.

Андрей машинально ел все, что перед ним поставили, и рассеянно и печально молчал. Кузины тоже замолкли. Катя, очень милостивая темноволосая девушка, хорошо сложенная, полная и широкая, хотя некрупная, с добрым ртом и короткими пухлыми пальчиками, смотрела на Андрея, не отрываясь. В карих глазах ее было и обожание, и самодовольство – и все это спокойное, умеренное и верное.

Свет лампы слегка золотил бледные волосы Андрея, стриженные коротко, щеточкой. Андрей имел тонкое, очень длинное тело, удивительной красоты руки с розовыми продолговатыми ногтями. Голова по росту казалась слишком маленькой, черты лица были мелкие, приятные, женственно-бессильные, нос правильный и нежный. Над верхней губой вились очень светлые пепельные усики. Несмотря на слегка болезненную бледность и оттого бесцветность утомленного лица, его можно бы назвать красивым, и многие из кузин завидовали Кате. Сама Катя искренно и спокойно считала себя счастливой.

Когда встали из-за стола, Андрей поспешно поцеловал руку матери и постарался никем не замеченный скрыться в

свою комнату.

Комната его выходила на огибавший усадьбу балкон и была угловой. Постель оказалась неприготовленной. Андрей рассердился и хотел позвать Тихона, но в эту минуту на пороге балконной двери он увидел Катю.

Она робко вытянула шею и заглянула в комнату.

– Андрюша, ты здесь? Ты не выйдешь больше?

– Я ужасно устал, мне хотелось лечь. А ты меня искала?

Тебе что-нибудь нужно?

– Нет... Я думала... Ты со мной не простился...

– Войди, простимся.

Катя робко вошла в комнату, приблизилась к Андрею и положила ему руки на плечи. Ей это было нелегко, она головой доставала ему только до груди.

– Скажи мне, Андрюша, – начала она вдруг шепотом, – ты оттого рассердился, что я вчера в фантах дала Ваничке руку поцеловать?

– Я рассердился? На кого? Какие фанты?

– На меня рассердился... Я сейчас догадалась, когда ты с утра убежал и к обеду не вернулся. Во вчерашних фантах. Но, Андрюша, милый мой, дорогой...

Андрей рассмеялся.

– Катя, уверяю тебя, я не думал, сердиться. Мне просто сделалось грустно...

Он остановился. Его голубые выпуклые глаза были слегка близоруки, но слух он имел необычайный, тонкий до болез-

ненности. И в этот момент ему показалось, что кто-то прошел мимо запертой двери. Шаги были совершенно незнанные, легкие и тихие до неслышности, даже не шаги и не шорох, а так, движение воздуха, точно что-то скользнуло мимо, провеяло – и замолкло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.